

УДК 94:355(497)

**«ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ СИЛ ВСЕХ РУССКИХ ПАТРИОТОВ»
ИЛИ ПОСОБНИКИ НЕМЦЕВ: БЕЛОЭМИГРАНТЫ О РУССКОМ
КОРПУСЕ НА БАЛКАНАХ (1941-1945 ГГ.)**

Овчинников Д.П.

Статья посвящена восприятию Русского охранного корпуса представителями белой эмиграции в 1941-1945 гг. и в послевоенный период. Источниковой базой исследования стали эмигрантские воспоминания, переписка, периодика, документация отдельных организаций, в том числе хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Опираясь на эти материалы, автор показывает особенности восприятия Русского корпуса белоэмигрантами. Анализ документов позволяет сделать вывод о полярности мнений даже среди непримиримой части эмиграции.

Ключевые слова: Русский корпус, русская военная эмиграция, белоэмигранты, Вторая мировая война, М.Ф. Скородумов, А.И. Деникин, П.Н. Краснов, Русский общевоинский союз.

**“THE APPLICATION POINT OF ALL RUSSIAN PATRIOTS’ FORCES”
OR GERMANS ACCOMPLICES: WHITE EMIGRANTS ABOUT
THE RUSSIAN CORPS IN THE BALKANS (1941-1945).**

Ovchinnikov D.P.

The article gives the perception of the Russian Protective Corps by representatives of the White émigré in 1941-1945 and in the post-war period. The source is based on emigrants memoirs, correspondence, periodicals, documentation of individual organizations including stored in the State Archive of the Russian Federation. Grounded on these materials, the author shows the peculiarities of the Russian Corps perception by white emigrants. The documents analysis allows drawing a conclusion about the polarity of opinions even among the irreconcilable part of the emigration.

Keywords: Russian Corps, Russian military emigration, white emigrants, World War II, M.F. Skorodumov, A.I. Denikin, P.N. Krasnov, Russian All-Military Union.

В исследованиях, посвящённых Русскому корпусу, чаще всего отмечаются такие его характерные черты как «белоэмигрантский» и «антисоветский». Это абсолютно справедливо – именно Русский корпус являлся самым крупным эмигрантским соединением в 1941-1945 гг., сформированным с явно антисоветскими целями. Но вопрос того, как воспринимали Русский корпус сами эмигранты, какие его оценки были для них самыми характерными, в настоящее время практически не освещён в исследовательской литературе. Причиной тому является кажущаяся очевидность этой оценки: Русский корпус воспринимался последовательными антикоммунистами из числа эмигрантов как продолжение белой борьбы. Во многом это действительно так, но анализ источников, в том числе личного происхождения, показывает, что категории и образы, ассоциировавшиеся с Русским корпусом в белоэмигрантской среде, были гораздо сложнее и разнообразнее.

Придание Русскому корпусу определённой роли началось даже несколько раньше дня его формального основания – 12 сентября 1941 г. За несколько дней до этого, 7 сентября, основатель корпуса генерал-майор М.Ф. Скородумов встречался с юнкерами роты допризывной подготовки IV-го отдела Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) полковника М.Т. Гордеева-Зарецкого, которым заявил, что речь может идти о возрождении Русской армии, а, следовательно, и России [14, с. 59]. В практически такой же форме Скородумов выразился и в приказе № 1 о создании корпуса: «Если возродится Русская армия, то возродится и Россия» [15, с. 36] Конечно, идея Скородумова, начавшего свою деятельность по созданию русского воинского соединения весной – летом 1941 г., была изначально более узкой – сформировать русскую дивизию, командные посты в которой займут монархисты-легитимисты, и с ней продолжить борьбу с

большевизмом [1, с. 92]. Но мысль о том, что белая эмиграция является носителем традиций Русской Императорской армии и российской государственности не была чужда ни РОВС, ни монархистам-легитимистам. Соответственно, первая за более чем 20 лет попытка начать организованную антисоветскую борьбу в составе русского воинского соединения воспринималась эмигрантами именно как возрождение армии и, может быть, России.

Уверенность в том, что Русский корпус и есть возрождающаяся армия, привела к вступлению в его ряды единственной сохранившейся в эмиграции строевой части – Гвардейского дивизиона (бывшего Собственного Его Императорского Величества Конвоя). «Сказочная картина из дорого прошлого», которую «представлял дивизион... казачье обмундирование: синие брюки с гвардейским басоном, гимнастёрки с алыми погонами, папахи, шашки. На правом фланге – три Георгиевских штандарта и хор трубачей... Как зачарованные стояли добровольцы... перед их глазами предстала живая картина живого величия былой России» [14, с. 62-63]. Прибытие дивизиона, сохранившегося в течение 20 лет, его чувство долга, верность и преданность вписаны в историю Русской армии, так выражался генерал-майор В.М. Ткачёв, походный атаман Кубанского казачьего войска [14, с. 63].

Убеждённость в преемственности Русской Императорской армии с её традициями, историей, обычаями крепла по мере формирования корпуса. В начале 1942 г. корпусники написали о воссоздании атмосферы и духа старых казачьих частей на примере 3-го батальона 1-го полка, состоявшего преимущественно из казаков. Обстановка в нём описывалась как «родная казачья семья», где был создан «по-казачьи уют». В батальоне почти все казаки друг друга знали, и установился порядок, при котором все обращались друг к другу по имени и **отчеству** [8, с. 3].

О возрождении русских воинских традиций и «полковой жизни» говорит в письме один из чинов 1-го полка: «Итак, мы, русские эмигранты, после 21-летней паузы снова надели свои формы, погоны, значки, кокарды и зажили

нашей, чисто русской полковой жизнью. Германское командование нами очаровано. Когда по окончании формирования их (германский – Д.О.) начальник – Гувернер Сербии (речь идёт о генерале артиллерии П. Бадере (1883-1971), с конца 1941 г. по 1943 г. командовавшего частями Вермахта в Сербии – Д.О.) – принимал парад нашего полка, то он и его штаб были удивлены нашей выправкой, общим видом и духом» [6, л. 5].

Интересен для анализа интересующего нас вопроса источник, ранее не снискавший внимания исследователей. Это – стихотворные произведения эмигрантов, посвящённые Русскому корпусу. М. Ситников в своём стихотворении видел эпопею Русского корпуса естественным продолжением российской военной истории: «Продолжен свиток русской славы...». Автор стихотворения напрямую сравнивает сражения Русского корпуса (бои 3-го полка Русского корпуса осенью 1944 года у горы Авала в Сербии) с известными боями русский войск XVIII – XIX вв.:

*Дрались и гибли у Авалы
За Русь родную и народ,
Как раньше предки в день Полтавы,
Боролина великий год* [14, с. 76-77].

Стихотворение Ситникова не было единственным примером. Г.А. Теславский (псевдоним – Юрий Псковитянин) продолжал ту же линию, подчёркивая преемственность Русского корпуса от Русской Императорской армии, бывшей детищем Петра I:

*Не забудут поражений
И советские войска,
Как Петровский, русский гений,
Был всегда наверняка* [15, с. 410].

Другой распространённой характеристикой, определяющей взгляды эмигрантов на Русский корпус, стало ассоциирование его деятельности с продолжением белой борьбы. Эта характеристика была наиболее очевидной: корпусники сами являлись либо участниками белого движения, либо их детьми.

Первый командир корпуса, генерал-майор Скородумов писал о нём именно как о «русском Белом корпусе», в котором «деды, отцы и внуки взялись за оружие для продолжения той борьбы, которую они начали много лет назад, в 1917 году» [12, с. 120-122]. Последний командир Русского корпуса в своем последнем приказе писал, что корпусники гордо носят имя «Белый воин» [15, с. 393].

Интересно восприятие Русского корпуса белоэмигрантами в Болгарии в момент, когда для них открылась возможность записаться в подразделение добровольцами. В приказе по III отделу РОВС указывалось: «Можно не сомневаться, что Русский корпус в несколько десятков тысяч человек, спаянным единым устремлением служению Родине и руководимый волей единого начальника, обладающий высокими моральными и боевыми качествами, явится не только боевой частью, но и сильным политическим фактором и точкой приложения сил всех русских патриотов... Русский корпус в Сербии является незаменимой и несравненной школой моральной, строевой и боевой подготовки для русских людей, стремящихся не на словах, а на деле послужить Родине. Русский охранный корпус – это второе Галлиполи и Лемнос... Столь же почётным для нас должен быть и знак Русского охранного корпуса (как и Галлиполийский крест – *Д.О.*) – прообраз грядущего возрождения Русской армии» [6, л. 8].

Сравнение с «сидениями» Русской армии оказалось не случайно – Русский корпус стал для белой эмиграции сходной страницей историей, возродившей, как и когда-то в Галлиполи, моральный дух армии, давшей шанс на продолжение борьбы. А нагрудный знак Русского корпуса, учреждённый осенью 1945 г. стал весьма почётным в эмигрантской среде. Интересно, что и этот знак являл собой свидетельство, что корпусники воспринимали свою службу как продолжение белой борьбы: на знаке были изображены даты «1917-1921» и «1941-1945», т.е. годы Гражданской войны и годы существования Русского корпуса.

Но даже среди непримиримых антикоммунистов, которыми являлись представители белой эмиграции, существовало и более скептическое отношение к Русскому корпусу. Строилось оно, прежде всего, на уверенности во вредности существования Русского корпуса в роли охранного и антипартизанского соединения, действовавшего на второстепенном театре боевых действий. Так, например, весьма критически воспринимали Русский корпус представители казачьей эмиграции. Для них было важным добиться объединения всех казаков, ведущих антисоветское сопротивление, в сугубо казачьи части, которыми стали 1-я казачья дивизия и Казачий стан. Некоторыми казаками-эмигрантами в соответствии с этим Русский корпус воспринимался как место, где удерживаются и не очень рационально используются казаки, в основном составляющие 1-й казачий полк. Кубанский войсковой атаман В.Г. Науменко, в 1941 г. сам способствовавший вступлению казаков в корпус, в октябре 1943 г. писал генералу П.Н. Краснову, что многие казаки хотят уйти в 1-ю казачью дивизию: «большинство ушло бы и задерживаются там помимо их воли» [13, с. 265].

Достаточно критически воспринимал Русский корпус и сам П.Н. Краснов. В письме Е.В. Балабину он сетовал на то, что, несмотря на громкое название «корпус», там и «хорошего полка не наберётся». Возмущает генерала и нежелание командования корпуса отпускать из него кадры: «И корпус не отпускает сам от себя офицеров с рядового положения на офицерское – такая ревность!» [13, с. 274]. Позднее, весной 1944 г., Краснов, по дневниковому свидетельству В.Г. Науменко, считал, что его главнейшим делом на посту начальника Главного управления казачьих войск является необходимость «вытащить казаков из Русского Щюцкора» [10, с. 324].

Приведённые выше примеры критического восприятия Русского корпуса касались не перспектив его существования, а его весьма локальной роли, нерационального использования кадров и т.д. Но, безусловно, были среди русской военной эмиграции и те, кто в принципе не считал приемлемым в том или ином виде выступать на стороне нацистской Германии. Однако открыто

высказывать свои взгляды во время войны им было весьма затруднительно. Так, например, германский шеф Русского корпуса полковник Кевиш заявлял, что корпус часть Вермахта и агитация против него наказуема по законам военного времени [5, с. 229].

Но находились те, кто выступал против самой идеи сотрудничества с нацистами не словом, а делом. Известен пример полковника Ф.Е. Махина, с 1939 г. состоявшего в коммунистической партии и воевавшего на стороне Народно-освободительной армии Югославии [5, с. 342]. Также в Югославии действовала подпольная антифашистская организация – Союз советских патриотов (СПП), состоящая преимущественно из эмигрантов молодого поколения, выпускников Русско-сербской гимназии. Члены этой организации помогали сбегать советским военнопленным, информировали о расположении немецких опорных пунктов. Члены СПП участвовали в боях за Белград на стороне советских войск в качестве переводчиков и проводников, и даже распространяли прокламации среди чинов Русского корпуса [7, с. 182, 200].

В Болгарии, значительная часть эмиграции из которой оказалась в Русском корпусе, тоже были случаи участия белоэмигрантов в движении сопротивления. Например, полковник Генерального штаба Е.И. Носков, который был арестован немцами и посажен в тюрьму [3, с. 73]. Пожалуй, самых необычных для белоэмигрантов взглядов придерживался генерал-лейтенант П.С. Махров, считавший, что Германия напала на его Родину и писавший советскому полномочному представителю во Франции просьбу зачислить его в ряды Красной армии [4, с. 176-177]. Для людей, которые придерживались таких взглядов в вопросе «защиты Родины против немцев», не ставился вопрос, какая эта Родина – «коммунистическая или некоммунистическая» [9, с. 142].

Справедливо утверждать, что указанными выше представителями эмиграции, занимавшими «оборонческую» позицию, Русский корпус не мог восприниматься иначе как соединение пособников немцев и предателей национальных интересов. Среди белой эмиграции придерживающихся подобных взглядов было меньшинство, о чём наглядно говорят цифры

участвовавших во Второй Мировой войне. Активными участниками антинацистского сопротивления выступило несколько сотен эмигрантов, а количество сражавшихся против СССР на стороне Германии достигало порядка 18 тысяч человек.

С окончанием Второй Мировой войны дискуссия о Русском корпусе не прекратилась. Очень часто критически настроенные эмигранты использовали уже упомянутые нами выражения «Щюцкор» и «Щюцкоровцы», имевшие негативно окрашенный оттенок. Само это слово является транслитерацией от немецкого «Schutzkorps» (охранный корпус). Обычно использование слова «Щюцкор» подчёркивало его вспомогательную, охранную роль и сильную зависимость от немцев. Именно это слово использовал в своём письме начальнику РОВС генерал-лейтенанту А.П. Архангельскому генерал-лейтенант А.И. Деникин. По мнению Деникина «Щюцкор» был самым «злым делом» эмиграции в годы Второй мировой войны, не приведшим белоэмигрантов на Восточный фронт, но приведший к гибели многих из них. Деникин отрицает преемственность Русского корпуса от белого движения и пишет, что генерал М.В. Алексеев «перевернулся бы в гробу» от такого сравнения. Также Деникин пишет, что действия корпуса вызвали ненависть у местного населения Югославии и «русскому имени нанесён был там жестокий удар» [2, с. 207]. Важно отметить, что позиция Деникина основывается не на том, что он якобы стал «советским патриотом» (это ошибочное мнение является достаточно распространённым), а на уверенности в нерациональности и неправильности выступления белоэмигрантов именно на стороне нацистской Германии, что в итоге привело к большим жертвам, но не привело к успешным результатам.

Позиция Деникина не осталась без ответа. Генерал Архангельский, отвечая ему, писал довольно осторожно, ссылаясь на отсутствие у него достоверной информации. Но всё же он отмечал, что в Русском корпусе «сплетаются и искренний идеализм, и вера в возможность борьбы против большевиков и коммунизма», но в то же время и «неоднократный обман со стороны немцев». При этом Архангельский уверенно заявлял, что Русский

корпус образовался не из-за желания «послужить немцам», а ввиду желания эмигрантов продолжить борьбу против большевиков [2, с. 215].

В послевоенное время дискуссия о Русском корпусе продолжилась. Бывшие корпусники посредством выхода печатных изданий [см.: 11; 16] стремились создать героический образ «славной эпопеи Корпуса», транслируя уже упомянутые нами положительные оценки. И даже в 1970-х гг. на страницах эмигрантских журналов порой оживала дискуссия о «пораженцах» и «оборонцах». Довольно характерной являлась статья П.Р. Терского, который поддерживал мысли о продолжении корпусом белого дела и важности его вклада в борьбу с коммунизмом. Он оспаривает основные аргументы противников существования Русского корпуса: неиспользование этого соединения на Восточном фронте (т.е. нерациональность использования) и большие, «бессмысленные» потери среди личного состава. В ответ на это заявляется, что корпусники не были властны над тем, как и где применяло корпус германское командование. Но в то же время автор статьи подчёркивает, что любой антикоммунистический фронт имел первостепенное значение и что «важно было взяться за оружие тогда, когда коммунизм переживал самые критические минуты» [17, с. 3-4].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить четыре основные оценки Русского корпуса в белоэмигрантской среде. Первые две оценки явно положительные, свойственные «пораженцам», непримиримой части эмиграции. Это восприятие Русского корпуса как наследника Русской Императорской армии, носителя её традиций. Корпус позиционировался как русская воинская часть, где возродилась полковая жизнь и которая продолжает русскую военную историю. Вторая оценка заключалась в восприятии корпусников как продолжателей белого дела, то есть патриотического дела, направленного на возрождение России и её «освобождение от коммунизма», воспринимаемого как главное зло. Другое представление о Русском корпусе, как ни странно, было характерно и для части «пораженцев» и для «оборонцев». Оно заключалось в видении Русского корпуса как соединения, выполняющего

сугубо вспомогательную, локальную роль и несущего «бессмысленные» потери, вместо рационального использования личного состава для действительно важных дел. Такая оценка была наиболее характерна для казачьей части эмиграции, которые хотели «вытащить» казаков из корпуса и перевести их в сугубо казачьи части (П. Н. Краснов, позднее В. Г. Науменко).

Но подобные мысли были не чужды и таким деятелям, как генерал Деникин, и многим представителям «оборончества» с той поправкой, что для них было неприемлемо и само участие корпуса в войне на стороне Германии и сильная зависимость его от немцев. Последняя, четвёртая характеристика была наименее популярна среди белоэмигрантов и заключалась в полном неприятии участия Русского корпуса в войне против СССР (пусть даже до 1944 г. косвенно) и видении корпусников «предателями» России. Такой точки зрения придерживались те из эмигрантов, кто активно участвовал в антинацистском сопротивлении.

Список литературы:

1. Александров К.М. Белая военная эмиграция в Сербии: к истории создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса // Труды II Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Ген. штаба ген.-лейтенанта Н.Н. Головина. Сборник статей и материалов / Науч. ред. К.М. Александров. Сост. К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелёв. СПб.: Скрипториум, 2012. С. 82-121.

2. Александров К.М. Судьбы русского офицерства в изгнании во время Второй мировой войны. Переписка 1946 г. между генерал-лейтенантами А.И. Деникиным и А.П. Архангельским // Новый Часовой (СПб). 2006. № 17-18. С. 203–219

3. Балмасов С.С. Русская белоэмиграция в борьбе против нацизма // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2-3. С. 65-75.

4. Ганин А.В. Русские генштабисты-эмигранты в годы Второй мировой войны // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2014. № 9. С. 170-182.
5. Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: СОЛТИ, 2005. 614 с.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9116. Оп. 1. Д. 14.
7. Ёхина Н.А. «История Русского Сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // *Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына*. 2014/15. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 174-205.
8. Казачий батальон // *Ведомости охранной группы*. 1942. № 15. С. 2-3.
9. Матвеева Ю.В. Вторая мировая война в литературном восприятии трех волн русской эмиграции // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 2. С. 137-158.
10. Науменко В.Г. Великое предательство / Сост. П.Н. Стрелянов (Калабухов). СПб.: Нева, М.: Олма-Пресс, 2003. 448 с.
11. Нуяк Н.И. Верные долгу: 1941-1961. New York: Объединение I полка Русского корпуса, 1961. 85 с.
12. Окорочков А.В. Мемуары власовцев / Под. ред. Г.Ю. Пернавского. М.: Вече, 2011. 304 с.
13. Переписка генерала П.Н. Краснова. 1939-1945 г. / Ред.-сост.: С.Ю. Василенко, И.В. Грибов, С.И. Дробязко. М.: Сеятель, 2018. 448 с.
14. Русский Корпус на Балканах (1941-1945). Сборник воспоминаний и документов / Под ред. Н.Н. Протопопова, И.Б. Иванова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 460 с.
15. Русский корпус на Балканах. 1941-1945 гг. / Под ред. Д.П. Вертепова. М.: Вече, 2008. 432 с.
16. Русский корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941-1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк: Наши вести, 1963. 416 с.
17. Терский П.Р. Мы были тогда на правильном пути! // *Наши вести*. 1976. № 360. С. 3-4.

Сведения об авторе:

Овчинников Денис Павлович – магистрант кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Data about the author:

Ovchinnikov Denis Pavlovich – master's degree student of Modern and Contemporary History Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: ovchinnikov.denis.pav@yandex.ru.